

Ламартин Альфонс

История жирондистов

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А59

А59 **Альфонс Л.**
История жирондистов: Том 4 / Ламартин Альфонс – М.: Книга по Требованию,
2022. – 422 с.

ISBN 978-5-519-92373-6

ISBN 978-5-519-92373-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

Казни продолжаютъ въ Парижѣ.—Госпожа Роланъ въ тюрьмѣ.—Она пишетъ мемуары.—Ея осужденіе.—Смерть.—Самоубійство Ролана.

1.

Борьба то героическая, то жестокая между республикой и ея врагами на поляхъ битвъ и посредствомъ казней не прекратила убійствъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ. Послѣ смерти жирондистовъ гильотина получила право гражданства. Она не переставала пожирать свои жертвы, набравшіяся изъ всѣхъ партій, которыя образовались съ начала революціи и продолжали образовываться во время ея развитія. Нѣсколько кровожадныхъ демагоговъ Коммуны и Горы требовали, чтобы смертоубійственное орудіе было построено изъ камня на площади Согласія, противъ Тюльери. По ихъ мнѣнію, гильотина должна была обратиться въ общественное и національное сооруженіе, чтобы свидѣтельствовать о томъ, что бдительность народа не прекращается, а мщеніе его будетъ вѣчно.

Революціонный судъ, слѣдившій за малѣйшимъ знакомъ Комитета общественного спасенія, спѣшилъ убивать всѣхъ, на кого тотъ указывалъ ему. Судъ обратился въ короткую формальность.

Имя госпожи Роланъ не могло продолжительное время скрываться отъ злобы народа. Это имя представляло собою цѣлую партію. Будучи душою Жиронды, эта женщина легко могла обратиться въ мстительницу за нихъ, если-бы ей дали возможность пережить ея знаменитыхъ друзей, ранѣе ея сопедшихъ въ могилу. Нѣкоторые были еще живы: необходимо было нанести ударъ ихъ мужеству, поразивъ ихъ кумира. Память тѣхъ, которые сошли въ могилу, надо было запятнать, связавъ ее съ именемъ ненавистой женщины, возбуждавшей къ себѣ чувство отвращенія въ толпѣ и подозрительной для свободы. Таковы были предлоги, которые побуждали Коммуну и якобинцевъ требовать суда надъ госпожою Роланъ.

2.

Комитетъ общественного спасенія, исполнявшій иногда съ огорченіемъ, хотя съ постоянною угодливіестью, желанія черни, внесъ имя госпожи Роланъ въ

списки, которые каждый вечер приносили Фукье-Тенвиллю. Робеспьер подписалъ этотъ списокъ съ притворнымъ сожалѣніемъ. Въ первое время своего пребыванія въ Парижѣ, аррасскій депутатъ, въ то время еще не пользовавшійся извѣстностью, бывалъ въ домѣ этой женщины. Когда Учредительное собраніе оскорбляло гордость Робеспьера и съ презрѣніемъ относилось къ его рѣчамъ, госпожа Роланъ угадала его гениальность, оцѣнила его настойчивость, поощряла его краснорѣчіе, пока еще непризнанное. Воспоминанія объ этомъ тяготили члена Комитета общественнаго спасенія въ то время, когда онъ подписывалъ приказъ о преданіи суду госпожи Роланъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являвшійся и приговоромъ къ смерти. Революція подняла одного изъ нихъ на высоту всемогущества, а другую низвергла въ бездну несчастій. Быть можетъ, именно благодаря поддержкѣ этой женщины Робеспьеръ достигъ власти, которая предоставляла ему право спасти или погубить ее. Каждый великодушный человѣкъ былъ бы растроганъ этимъ сопоставленіемъ настоящаго съ воспоминаніями о прошломъ. Но Робеспьеръ былъ стойкъ. Онъ считалъ непоколебимостью—силой, упрямство—признакомъ воли. Онъ вырывалъ бы у себя сердце, если-бы считалъ его способнымъ внушить ему слабость. Система убила въ немъ природу. Онъ считалъ себя сверхчеловѣкомъ, убивая въ себѣ человѣческія чувства. Чѣмъ болѣе онъ страдалъ отъ своего жестокосердія, тѣмъ болѣе онъ считалъ себя правымъ. Онъ достигъ той степени софизма и преувеличенія ложной добродѣтели, которая заставляетъ человѣка презирать всѣ добрыя чувства.

Госпожа Роланъ находилась въ тюрьмѣ Аббатства съ 31-го мая. Потомство слѣдитъ за нѣкоторыми людьми съ большимъ любопытствомъ и интересомъ, чѣмъ за цѣлыми государствами, потому что они резюмируютъ своимъ положеніемъ, чувствами, возвышеніемъ и паденіемъ всѣ превратности, катастрофы, славу и несчастія своего времени. Госпожа Роланъ принадлежала къ числу такихъ людей. Въ порывѣ своей страсти, въ своихъ увлеченіяхъ, мученичествѣ, временномъ упадкѣ духа и безсмертной надеждѣ она олицетворяла въ единеніи тюрьмы всю революцію. Отрѣзанная отъ свѣта, оторванная отъ отца, мужа и дочери, она заливала потоками слезъ пылъ горячаго воображенія, подобно обломку, объятому пламенемъ.

3.

Тюремщики Аббатства, насколько было въ ихъ силахъ, старались смягчить тяжесть ея заключенія. Есть люди, которыхъ можно преслѣдовать только тогда, когда находишься вдали отъ нихъ. Красота смягчаетъ всякаго, кто приближается къ ней. Ей отвели, безъ вѣдома комиссаровъ, камеру, куда проникалъ лучъ солнца. Ей принесли цвѣтовъ. Въ счастливые дни своей жизни она любила окружать себя цвѣтами,—самыми прекрасными и наименѣе дорого стоящими предметами роскоши. Рѣшетку ея окна густо переплели вьющимися растеніями, чтобы дать хоть глазамъ ея иллюзію свободы. Нѣкоторымъ изъ ея друзей разрѣшили навѣщать ее. Ей принесли книги, и она могла бесѣдовать съ самыми великими мужами древности. Спокойная за безопасность мужа, который, какъ ей было извѣстно, нашелъ убѣжище въ Руанѣ у преданныхъ друзей, за участь дочери, которую ея другъ Воськъ, завѣдующій Jardin des

Plantes, поручилъ попеченію госпожи Крёзе де-ла-Тушъ, сдѣлавшейся ея пріемной матерью; гордая тѣмъ, что ей приходится страдать за свободу, счастливая страданіемъ за своихъ друзей, она мирилась съ уединеніемъ своей темницы. Когда несчастія достигаютъ крайнихъ предѣловъ, природа посылаетъ усюкоеніе, какъ бы разстилая мягкій покровъ въ глубинѣ бездны, чтобы смягчить тяжесть паденія несчастнымъ. Увѣренность, что нельзя упасть еще ниже, вызовъ, брошенный людямъ, упорствовавшимъ въ своей мести, и внутреннее довольство собственнымъ мужествомъ ставятъ преступника выше палача. Эти-то чувства и поддерживали энергію госпожи Роланъ. Они придавали въ ея глазахъ ея страданіямъ блескъ, и она являлась въ своемъ представленіи одновременно дѣйствующимъ лицомъ, героиней и зрительницей.

Она мысленно отказалась отъ свѣта, времени и самой себя и хотѣла жить всецѣло въ будущемъ, въ потомствѣ. Ничто ни въ настоящемъ, ни въ христіанствѣ не могло внушить ей безропотную покорность и заставить ее обратиться къ Небу. Ея отвращеніе къ суевѣріямъ ослабило въ ней даже вѣру въ Бога и въ безсмертіе. Сохранивъ взгляды женщины античныхъ временъ во времена христіанства, она отличалась такой же римской добродѣтелью, какими были и ея взгляды. Ея Небомъ было потомство. Изъ всѣхъ боговъ она обращалась только къ будущему. Абстрактный и стоическій долгъ, который самъ себя судитъ и награждаетъ, замѣнялъ ей надежду, утѣшеніе и религію. Но душа ея была такъ закалена и чиста, что ея добродѣтель, долженствовавшая остаться не вознагражденной и не засвидѣтельствованной, давала ей силу стойко переносить несчастія и мужественно ждать смерти.

Лишенная возможности дѣйствовать, она погрузилась въ размышленія. При помощи тюремщиковъ она достала нѣсколько листовъ бумаги, чернилъ и перо. Она начала описывать свою частную и общественную жизнь. Каждый день она прятала одну изъ написанныхъ ею страницъ отъ бдительности своихъ тюремщиковъ и передавала ее Боску, который уносилъ ее незамѣтно подъ одеждой и пряталъ до наступленія лучшихъ дней. Такимъ образомъ госпожѣ Роланъ казалось, что она похищаетъ годъ жизни у смерти и что она воруетъ у небытія то, что она считала лучшей частицей себя самой: память о себѣ. Она мѣшала въ написанныхъ ею страницахъ въ безпорядкѣ и съ поспѣшностью мысли, у которой нѣтъ завтрашняго дня, самыя женственныя мечты своего дѣтства и самыя мрачныя мысли, являвшіяся у нея во время заключенія. Въ одной и той же книгѣ передъ вами то была молодая дѣвушка, жившая въ верхнемъ этажѣ въ домѣ на набережной des Orfèvres, жаждавшая любви и славы, а нѣсколько строкъ далѣе предъ вами являлась узница, заключенная въ темницу, разлученная съ дочерью, съ мужемъ, съ другомъ, лишенная ласкъ, иллюзій, надеждъ, ожидающая эшафота.

4.

Хотя эти мемуары и были, повидимому, предназначены для потомства, но по нѣкоторымъ признакамъ можно было угадать, что они преимущественно писались для неизвѣстной души. Госпожа Роланъ надѣялась, что дружественная душа пойметъ ея душу и ей будутъ яснѣе, нежели другимъ, намеки, вздохи

и мысли, которая она излила на этих страницах. Эти мемуары можно сравнить с разговором, который ведется вполголоса и из которого публикѣ понятно не все. Они имѣютъ еще большій интересъ: это разговоръ предсмертный, прощаніе великой души съ жизнью. При каждомъ словѣ охватываетъ страхъ, чтобы бесѣда не была прервана палачомъ. Кажется, что видишь топоръ, висящій надъ головою писавшей, готовый отрубить голову и прервать мысль.

Эти мемуары, въ которыхъ, изливая чувство тоски, облегчали душу. Слова—это мечь; негодованіе, вырываясь наружу, приноситъ облегченіе. У узницы минутаи являлись проблески надежды. Ее даже освободили на нѣсколько часовъ. Опыаненная свободой, она бросилась домой, чтобы обнять своего ребенка и взглянуть на свой очагъ. Эта однодневная свобода была западной, разставленной ея преслѣдователями. Сателиты Коммуны подготовили ей радость для того только, чтобы отравить ее. Они поджидали ее на лѣстницѣ ея дома. Они не дали ей коснуться двери, переступить порогъ, услышать голоса дочери, увидѣть слезы слугъ. Они арестовали ее, несмотря на ея мольбы, и бросили ее, едва освободившуюся, въ другую тюрьму, Сентъ-Пелажа, — скопище всевозможныхъ пороковъ, куда были согнаны проститутки города Парижа. Ее хотѣли увизить соприкосновеніемъ съ ними и заставить страдать ея стыдливость. Она принуждена была жить въ обществѣ этихъ падшихъ женщинъ. Ихъ нравы, разговоры, ихъ нравственныя язвы оскорбляли ея глаза, слухъ, ея стыдливость. Она приготовилась встрѣтить смерть,—ее присудили къ позору.

Состраданіе тюремщиковъ устроило въ концѣ концовъ отъ нея грязь. Ей отвели комнату, дали жесткое ложе, столъ. Она снова принялась за мемуары, увидала своихъ друзей Боска и Шампаньё. Низкій Латенасъ, постоянно бывавшей у нея въ домѣ въ дни ея могущества, неблагодарный Пашъ, достигшій власти благодаря ей и ея мужу, застѣдали одинъ на верху Горы, другой во главѣ Коммуны; они притворились, что забыли о ней. Дантонъ, бывшій въ отсутствіи, дѣлалъ видъ, что ничего не видитъ. Робеспьеръ не рѣшался вырвать жертву у народа. Однако старинная дружба, бывшая между нимъ и госпожею Роланъ, пробудила въ узницѣ минутную надежду и даже слабость. Она лежала больная въ тюремной больницѣ. Врачъ, выдававшій себя за друга Робеспьера, навѣстилъ ее. Онъ заговорилъ съ нею о Робеспьерѣ. „Робеспьера“, отвѣтила она: „я знала близко и очень уважала. Я считала его искреннимъ и горячимъ другомъ свободы. Теперь я боюсь, что онъ любитъ власть и можетъ быть также и мечь. Мнѣ кажется, что онъ способенъ чувствовать предубѣжденіе, легко становится пристрастнымъ, его трудно разубѣдить и онъ слишкомъ быстро обвиняетъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ. Я много разъ видѣла его: попросите его сказать, положи руку на сердце, думаетъ ли онъ дурно обо мнѣ“. Этотъ разговоръ внушилъ ей мысль обратиться къ Робеспьеру; она ухватила за нее и написала ему.

5.

„Робеспьеръ“, писала она въ этомъ въ одно и то же время трогательномъ и вызывающемъ письмѣ: „я хочу испытать васъ: я повторю вамъ то, что я

сказала о васъ другу, взявшемуся передать вамъ эту записку. Я не хочу просить васъ, не вообразите этого; я никогда никого не просила, и не изъ глупины тюрьмы обратилась бы съ мольбой къ человѣку, который имѣетъ власть отпереть мнѣ ее. Мольба создана для виновныхъ и рабовъ. Невинность сама говорить за себя—этого достаточно! Даже жалоба кажется мнѣ не подходящей: я умѣю страдать. Я знаю также, что при возникновеніи республикъ революціи дѣлають жертвами тѣхъ, кто содѣйствовалъ ихъ возникновенію: такова судьба; исторія—ихъ мститель. Но благодаря какому странному стеченію обстоятельствъ, я, женщина, подверглась бурямъ, которыя обрушиваются обыкновенно на голову великихъ дѣятелей революцій?.. Робеспьеръ, я запрещаю вамъ вѣрить, что Роланъ не былъ честнымъ человѣкомъ. Вы знали его. Добродѣтель его сурова настолько же, насколько у Катона она была жестока. Чувствуя отвращеніе къ дѣламъ, возмущенный преслѣдованіемъ, наскучивъ свѣтомъ, утомленный трудами и жизнью, онъ хотѣлъ только вздохнуть въ никому невѣдомомъ уединеніи и исчезнуть въ безмолвіи, чтобы не допустить своихъ современниковъ до преступленія!.. Подозрѣніе въ моемъ соучастіи въ преступленіи было бы смѣшно, если-бы не было жестоко. Откуда явилась эта враждебность ко мнѣ, никогда никому не сдѣлавшей ничего дурного и даже не могущей желать его тѣмъ, кто дѣлаетъ его мнѣ? Взросшая въ уединеніи, получившая серьезное образованіе, развившее во мнѣ нѣкоторый характеръ, усвоившая себѣ простые вкусы, съ энтузіазмомъ относящаяся къ революціи, чуждая занятіямъ моего пола, но съ жаромъ толкующая о нихъ, я отнеслась съ презрѣніемъ къ клеветамъ, которыя распустили обо мнѣ, и я сочла ихъ неизбежной данью, которую должны платить зависти люди, занимающіе такое положеніе, на которое простой народъ имѣетъ глупость смотрѣть, какъ на возвышенное, и которому я предпочла бы охотно мирную жизнь, какой я прожила столько счастливыхъ дней...

„Однако я вотъ уже пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, вырванная изъ объятій моей юной дочери, которая не можетъ болѣе отдыхать на груди, вскормившей ее! Удаленная отъ всего, что мнѣ было дорого, мишень ругательствъ обманутой толпы, я слышу, какъ подъ моими окнами рассказываютъ часовые, подслушивающіе мои бесѣды съ самой собою объ ожидающей меня казни, и читаю отвратительную брань, которую изрыгаютъ на меня писатели, никогда не видавшіе меня!.. Я ничего не сказала, ни о чемъ не просила, никому не надѣдала своими жалобами: я горжусь тѣмъ, что могу помѣриться съ моей несчастной судьбой и побѣдить ее...

„Робеспьеръ, не для того, чтобы возбудить въ васъ жалость къ себѣ, которая, быть можетъ, оскорбила бы меня даже, я изобразила вамъ эту картину въ сильно смягченныхъ краскахъ; я сдѣлала это, чтобы вразумить васъ. Счастье измѣнчиво, любовь народная также. Вспомните судьбу тѣхъ, кто волновали народъ, правились ему и управляли имъ, начиная съ Вителія и кончая Цезаремъ, и начиная съ Гиппона, сиракузскаго оратора, до нашихъ парижскихъ ораторовъ!.. Марій и Сулла подвергли проскрипціи тысячи рыцарей, огромное число сенаторовъ и толпу несчастныхъ. Развѣ они заставили замолчать исторію, которая предала ихъ память проклятію, и наслаждались счастіемъ? Какую бы участь ни готовили мнѣ, я сумѣю встрѣтить ее сообразно съ моимъ достоин-

ствомъ или предупредить ее, если сочту это удобнымъ для себя. Послѣ чести подвергнуться преслѣдованіямъ, неужели меня ждетъ честь мученичества? Отвѣтите; многое значить знать заранее свою судьбу, а съ такой душой, какъ моя, люди способны взглянуть ей прямо въ лицо. Если вы хотите быть справедливымъ и прочтете то, что я вамъ пишу, со вниманіемъ, письмо мое не будетъ для васъ бесполезно, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ бесполезно и для моей отчизны. Во всякомъ случаѣ, Робеспьеръ, я знаю, и вы не можете не чувствовать этого, что тотъ, кто знаетъ меня, не можетъ преслѣдовать меня, не чувствуя угрызений совѣсти“.

6.

Подъ кажущимся стоицизмомъ этого письма чувствовалось однако глухое воззваніе къ чувству состраданія. По крайней мѣрѣ со стороны госпожи Роланъ это была попытка къ примиренію. Благопріятный отвѣтъ со стороны Робеспьера обязалъ бы ее быть благодарной человѣку, который преслѣдовалъ и посылалъ на смерть тѣхъ, кого она обожала. Ей казалось, что почетнѣе и лучше лишиться жизни, чѣмъ быть обязанной ему Робеспьеру. Написавъ письмо, она разорвала его.

Однако она спрятала клочки письма на память о томъ, что ей пришла мысль о личномъ счастьѣ, которымъ она пожертвовала, чтобы сохранить свое достоинство какъ женщины извѣстной партіи и ради чувствъ супруги и друга. Робеспьеру не приходилось колебаться между угрызениями совѣсти и популярностью. Узняца готова была умереть. Она наполняла время досуга, подобно вечерамъ трудового дня, занятіями музыкой, бесѣдой и чтеніемъ. Въ музыкѣ она черпала меланхолію, въ книгахъ силу для перенесенія своего положенія. Она съ особымъ усердіемъ изучала Тацита, этого божественнаго анатома великихъ мертвецовъ, указывающаго на предсмертныя содроганія горести и героизма, которыя испытывали столько жертвъ. Она вмѣстѣ съ нимъ перебирала въ своей памяти зрѣлище казни, чтобы выучить его наизусть и достойно изобразить въ предсмертную минуту. Ей пришла въ голову мысль предупредить ударъ; она достала себѣ яду. Когда она собралась выпить его, она написала мужу, извиняясь въ томъ, что хочетъ умереть раньше его: „Прости меня, человѣкъ, достойный уваженія потомства, что я хочу располагать по своему желанію жизнью, которую я посвятила тебѣ! Твои несчастія удержали бы меня, если-бы мнѣ дано было облегчить ихъ. Ты лишишься только бесполезнаго предмета, вызывающаго въ тебѣ думу раздражающее безпокойство!“ Потомъ, переходя къ мысли о дочери, она продолжала: „Прости меня, дорогое дитя, юная и нѣжная дочь, ты, нѣжный образъ которой наполняетъ мое материнское сердце и колеблетъ мою рѣшимость! Ахъ! конечно, я не лишила бы тебя никогда твоего руководителя, если-бы они могли оставить его тебѣ. О, жестокосердые! развѣ они чувствуютъ состраданіе къ невинности? Друзья мои, обратите ваши взоры и ваши заботы на мою сироту! Не сокрушайтесь о моемъ рѣшеніи, которое должно положить конецъ моимъ страданіямъ! Вы знали меня; вы не подумаете, что слабость или страхъ заставили меня прибѣгнуть къ тому, на что я рѣшаюсь

Если-бы кто-нибудь могъ мнѣ поручиться, что на судѣ мнѣ разрѣшатъ указать на тирановъ,—я хотѣла бы немедленно предстать предъ нимъ!“

Въ эту минуту изъ ея души вырвалось неопредѣленное воззваніе, послѣдній вздохъ религіи, который, не зная, куда онъ унесется, пытается вознестись за предѣлы небытія: „Боже! Верховное Существо! Душа вселенной! Начало всего, что я чувствую въ себѣ хорошаго, великаго и безсмертнаго! въ существованіе Котораго я вѣрю потому, что я должна имѣть источникомъ нѣчто высшее того, что я вижу вокругъ себя! Я скоро соединюсь съ Твоимъ Существомъ!“

Она написала завѣщаніе и распредѣлила между своею дочерью, слугами и друзьями свое фортепiano, арфу, два дорогихъ перстня, оставшихся у нея, книги и мебель, бывшую у нея въ темницѣ,—единственное ея богатство. Она вспомнила первые предметы своей страсти: природу, деревню, небо: „Прощай, писала она, прощай, солнце, свѣтившее мнѣ въ окно, чьи свѣтлые лучи вносили въ мою душу такую же ясность, какую они вызывали на небесахъ! Прощайте, уединенныя деревни на берегахъ Соны, видъ которыхъ такъ часто трогалъ меня, и вы, жители Тизи, чей потъ я такъ часто вытирала, кому помогала въ нищетѣ и болѣзняхъ! Прощай, мирное жилище, гдѣ я старалась напитать мой умъ познаніями, подчинить мое воображеніе наукѣ, гдѣ въ тиши размышленій я училась побѣждать свои страсти и съ презрѣніемъ относиться къ тщеславію. Прощай, дочь моя! не забывай свою мать! Ты, конечно, не ограждена отъ такихъ же испытаній, каковы мои! Прощай, дорогое дитя, которое я вскормила своею грудью и которое я хотѣла бы чтобы прониклось всѣми моими чувствами!“

Эта мысль разрушила ея намѣреніе: образъ ея ребенка заставилъ сжаться ея сердце. Она отбросила ядъ и ради дочери хотѣла продлить часы испытаній и раскаянія. Она рѣшилась ждать смерти.

7.

Казнь жирондистовъ въ глазахъ госпожи Роланъ набросила погребальный покровъ на жизнь. Верньо, Бриссо умерли. Кому извѣстна участь Бюзо, Барбару, Луве? Быть можетъ и они уже покинули землю.

Ее перевезли въ Консьержери. Тамъ она томила недолго. Она нравственно возвышалась, приближаясь къ смерти. Ея душа, языкъ, черты приняли торжественность лицъ, которыхъ ожидаетъ великая судьба. Въ теченіе немногихъ дней, которые она провела въ тюрьмѣ, она сумѣла возбудить среди многочисленныхъ находившихся тамъ узниковъ энтузіазмъ и презрѣніе къ смерти, воодушевившіе наиболѣе удрученныхъ. Тѣнь, бросаема на нее эшафотомъ, казалось, увеличила ея красоту. Продолжительныя страданія заключенія, безнадежное, но спокойное чувство, съ которымъ она относилась къ своему положенію, сдержанныя, но явственно слышныя слезы въ ея голосѣ, когда она говорила, придавали ему отгѣнокъ, въ которомъ передавалось накупившее чувство, подымавшееся изъ глубины ея сердца.

Она бесѣдовала черезъ рѣшетку съ главными дѣателями ея партіи, которыхъ было множество въ Консьержери. Стоя на каменной скамьѣ, возвышавшей ее немного надъ мостовой двора, ухватившись пальцами за желѣзную рѣ-

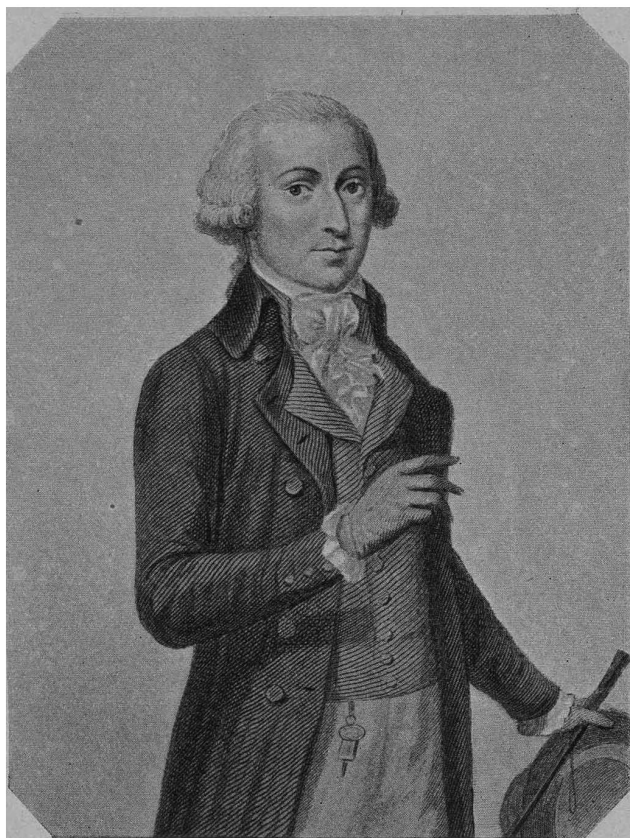
шетку, отдѣлявшую монастырь отъ двора темницы, она нашла себѣ трибуну въ тюрьмѣ, а слушателей среди своихъ сотоварищей по ожидавшей ихъ смерти. Она говорила съ такимъ же убѣжденіемъ и блескомъ какъ Верньо, но съ горечью гнѣва и ѣдкостью презрѣнія, которыя страсть женщины всегда вноситъ въ краснорѣчіе разсужденій. Ея мстительная память искала въ исторіи древнихъ временъ образовъ, аналогій и именъ, способныхъ сравниться съ современными ей тиранами. Въ то время, какъ ея враги составляли ея обвинительный актъ въ нѣсколькихъ футахъ надъ ея головой, голосъ ея, подобно голосу потомства, гремѣлъ въ подземельяхъ Консьержери. Она мстила за себя до своей смерти и завѣщала свою ненависть. Она вызывала у узниковъ не слезы,—она не хотѣла, чтобы плакали о ней,—но крики восторга. Ее слушали пѣлыми часами. Приготовлялись крикнуть: „Да здравствуетъ республика!“ Свободу не осуждали, ее боготворили даже въ подземныхъ темницахъ, вырытыхъ во имя ея.

Но эта женщина, столь великодушная и стоящая выше своей участи, находясь предъ лицомъ толпы, впадала въ слабость, какъ всякій смертный, когда возвращалась въ тишину и уединеніе темницы. Ея героическая душа замолкала тогда, а слабое женское сердце сжималось и чувствовало себя разбитымъ послѣ перехода отъ энтузіазма къ дѣйствительности. Чѣмъ выше она находилась, тѣмъ чувствительнѣе было ей паденіе. Иногда она долго стояла по утрамъ, облокотившись на окно, прислонившись лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ, смотря на уголокъ неба, и слезы капали изъ глазъ ея на горшки съ цвѣтами, которыми тюремщикъ украсилъ подоконникъ ея окна. О чемъ она думала? Отрывистыя слова послѣднихъ страницъ ея дневника открываютъ намъ это: о своемъ ребенкѣ, о мужѣ, старикѣ отцѣ, привыкшемъ къ ея поддержкѣ и неспособномъ сдѣлать шага въ жизни безъ нея; о своей молодости, лишенной любви и протекавшей въ честолюбивыхъ политическихъ замыслахъ, о друзьяхъ, образъ которыхъ преслѣдовалъ ее, заставляя сожалѣть о жизни, если они были еще живы, и жаждать смерти, если они опередили ее въ вѣчности. Она ничего не знала о нихъ, и это причиняло ей муку.

Другихъ страданій заключенія она не чувствовала. Тюрьма ея, сырая, грязная, темная, находилась рядомъ съ комнатою, которую занимала королева: сосѣдство слишкомъ похожее на угрызеніе совѣсти. Обѣ дошли въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но по различнымъ путямъ, до одного и того же подземелья, для того, чтобы отправиться оттуда къ одному и тому же эшафоту: одна, низвергнутая съ трона происками другой; другая—достигшая величайшихъ почестей въ республикѣ и, въ свою очередь, опрокинутая туда же, куда упала ея жертва. Эта месть судьбы походить на случайность. Нерѣдко это правосудіе.

8.

Допросъ и процессъ госпожи Роланъ были не болѣе какъ повтореніемъ обвиненій, раздававшихся въ рѣчахъ якобинцевъ во время процесса ея друзей, жирондистовъ. Ее обвиняли въ томъ, что она супруга Ролана и другъ его сообщниковъ. Она созналась въ этихъ преступленіяхъ, считая ихъ славой для себя. Она съ нѣжностью говорила о своемъ мужѣ, съ уваженіемъ о своихъ друзьяхъ, съ гордой

Бюзо.

